

І. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ И РИМ

А. А. КУРБАТОВ

Военное значение аристократии в архаической Греции

В отечественной историографии до сих пор сравнительно слабо разработана проблема роли правящих классов в истории. Это относится и к вопросу о месте и значении аристократии в процессах, происходивших в эллинских полисах архаической эпохи. Данная статья, не притязая на его общее решение, посвящена выяснению лишь одной из составляющих его частей, может быть, наиболее наглядной: роли аристократии в военной области. Значимость этой проблемы вытекает из факта принципиального совпадения гражданской, политической и военной организаций выросшего из родовой общины древнегреческого полиса¹.

В первую очередь, не вызывает сомнения тесная связь аристократии с кавалерией. Аристотель в нескольких местах «Политики» говорит об этом весьма недвусмысленно. Он указывает, что в древности государства, военная мощь которых базировалась на коннице, имели олигархический строй, приводя в пример Эретрию и Халкиду на Эвбее и Магнесию на Меандре, а также несколько неопределенно упоминая «многие другие» (города) по всей Азии (Arist. Pol. IV. 3. 2. 1289b). Хронологически он относит появление таких режимов к эпохе крушения монархий, когда полноправными гражданами являлись всадники, поскольку в ранних войнах именно конница была решающей силой ввиду отсутствия опыта правильной и

---

¹ Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. I. 465—466.

эффективной организации гоплитов (Arist. Pol. IV. 10. 10. 1297b). Эти соображения Аристотеля разделяются современными авторами². Экономическая причина аристократизма раннегреческой кавалерии — возможность содержания коней только крупными собственниками (Arist. Pol. VI. 4. 3. 1321a). Современные ученые и здесь согласны с великим философом³.

Вероятно, не случайно халкидские аристократы на Эвбее именовались гиппоботами («воспитывающими коней»), которых Геродот называет «жирными» (Hdt. V. 77). Их упоминает и Страбон, со ссылкой на Аристотеля отмечающий, что в древности во главе правительства «всадников» в Халкиде стояли выбранные на основе имущественного ценза лица, управляющие в аристократическом духе (Strab. X. 1. 8). В соседнем эвбейском полисе Эретрии государственная власть находилась, по Аристотелю (Ath. pol. XV. 2), также в руках всадников (по крайней мере, в период второго изгнания Писистрата из Афин). Плутарх, упоминающий об удалении гиппоботов из Халкиды Периклом, характеризует их как богачей, пользовавшихся особенной славой (Plut. Per. 23). Сходным образом именовались жившие в Магнесии и Колофоне гиппотрофы

(ιπποτρόφοι) — «выращивающие коней» (Her. Pont. XXII), причем правящая группа в Колофоне составляла тысячу человек (Her. Pont. XI). По предположению М. Арнхейма, население Колофона составляло около 30000 человек (7500 домовладельцев), а 1000 составляла правящую аристократию⁴.

Коневодство с древнейших времен было развито в Фессалии, где господствовали аристократические роды Алевадов, Скопадов, Креондов и др., и кавалерия играла важную роль. Так, фессалийцы послали Писистратидам, ввиду вторжения спартанцев, 1000 всадников во главе с царем Кинеем из Конии (Hdt. V. 63). Фессалийская конница была существенной силой (Hdt. VII. 173. 196). Во времена Ксенофонта Фессалийский союз располагал силой в 6000 всадников и более 10000 гоплитов, не считая пельтастов (Xen. Hell. VI. 1. 8—9).

Кавалерия сохраняла известное значение и в Беотии. В битве при Платеях фиванские всадники сражались на стороне персов (Hdt. IX. 69). Известно, что во 2-й половине V в.

² Arnheim M. T. W. *Aristocracy in Greek society*. L., 1977. P. 54; Jeffery L. H. *Archaic Greece: The City States c. 700—500 B. C. L.*, 1978. P. 67.

³ Chamoux F. *La civilisation Grecque a l'Époque archaïque et classique*. P., 1963. P. 62, 154; Finley M. I. *Early Greece: the Bronze and Archaic Ages*. L., 1970. P. 100.

⁴ Arnheim M. T. W. *Op. cit.* P. 54.

войско Беотийского союза составляли 11000 гоплитов и 1100 всадников (Hell. Охуг. XI. 3). По тимократической конституции Солона, в Афинах «Всадниками» назывались граждане с доходом не менее 300 медимнов⁵, причем Аристотель особо отмечает, что это название, вероятно, отражает их действительную службу (Arist. Ath. pol. I. 7). К сожалению, их количественный состав неизвестен. В период правления Перикла афинская конница (вместе с конными лучниками) насчитывала 1200 всадников (Thuc. II. 13. 7). Поэтому трудно полностью согласиться с мнением А. Берна, что к концу архаической эпохи с ростом военного значения гоплитской фаланги в Греции к югу от Фессалии падает значение кавалерии, которая к началу V в. до н. э. там даже временно исчезает⁶. Представляется также недостаточно обоснованным мнение Г. Шеманна о том, что в условиях разорения части аристократии и появление богачей из незнатных, только эвпатриды явно обозначают родовую аристократию; «всадники» же могут быть не только аристократами, но и людьми со всадническим цензом⁷. Совершенно очевидно, что этот термин в значении цензовой категории мог употребляться лишь с позднеархаического времени, с появлением тимократических конституций, в которых, вероятнее всего, зафиксированы реальные доходы аристократов, необходимые для службы в кавалерии.

К этому времени аристократия сложилась вполне, со всеми ее отличительными признаками и идеологией; с ростом же военного значения гоплитской фаланги, повлекшим за собой некоторую демократизацию общества (Arist. Pol. IV. 10. 10. 1297b), коневодство осталось обязанностью и привилегией знатных семейств как отличительная черта аристократизма⁸, олицетворяя доблесть и богатство; а старинное богатство и доблесть, по определению Аристотеля (Pol. IV. 6. 5. 1294a), и есть благородство.

Действительно, в традиции разведение коней считалось благородным занятием, свидетельствующим о знатности рода⁹. Пиндар посвящает одну из своих од «конному роду могучих Алкмеонидов» (Pind. Pyth. 7). Коней, выступавших на Олимпиадах, выращивали не только тираны, богатейшие в Греции люди, но и другие представители аристократических

⁵ Arist. Pol. II. 9. 4. 127a; Ath. pol. I. 7. 3. Plut. Sol. 18.

⁶ Burn A. The Lyric Age of Greece. L., 1978. P. 175 f.

⁷ Schoemann G. R. Griechische Alterthümer. B., 1897. Bd. I. S. 130 f.

⁸ Arnheim M. T. W. Op. cit. P. 54; Chamoux F. Op. cit. P. 154.

⁹ Aristoph. Nub. 60 fr., Diog. Laert. VIII. 2. 51.

родов, например, Филаиды (Hdt. VI. 35—36) и Эвпатриды (Thuc. VIII. 73. 3; Plut. Alc. 11) в Аттике. Алкивиад, как и его предки, служил в коннице, о чем свидетельствует спасение Сократа в битве при Делии (Plut. Alc. 7). Нельзя сбрасывать со счета и такие отмеченные М. Финли факты: распространенность изображений всадников на расписной архаической керамике; появление кавалерии в Италии с греческими переселенцами, что придавало гопплитскому войску мобильность на поле боя¹⁰.

Несколько сложнее обстоит дело с лакедемонской конницей, о которой достоверно известно только с классического времени¹¹. Правда, имеется туманное свидетельство о реформе спартанской конницы Ликургом (Plut. Lyc. 28). Однако и в классическое время, несмотря на то, что содержание лошадей поручалось богатейшим из граждан, боеспособность спартанской конницы была весьма низкой (Xen. Hell. VI. 4. 10—11). Тем не менее, судя по сообщениям античных авторов, и в Спарте существовали так называемые «всадники». Из сообщений о них ясно, что это было отборное подразделение спартиатов¹², насчитывавшее 300 человек¹³, являвшихся царскими телохранителями¹⁴, которыми командовали трое начальников

конницы (οι ιλαροεταί) ¹⁵. «Всадники» выполняли и тайные поручения геронтов и эфоров, что явствует из рассказа о подавлении заговора Кинадона (Xen. Hell. III. 3. 9), а Эфор причислял «всадников» вместе с геронтами к высшим спартанским государственным должностям, указывая при этом, что спартанские «всадники», в отличие от критских, не держат коней (Strab. X. 4. 18). Проблема происхождения и функций спартанских «всадников» стала предметом специального изучения¹⁶. Несомненно элитарность этого корпуса, являвшегося важным исполнительным органом¹⁷. нас, однако, интересует лишь происхождение этого отряда. В весьма содержательной статье, исходя из определения некоторыми античными авторами «всадников» как эфебов, Ю. В. Андреев присое-

¹⁰ Finley M. I. Op. cit. P. 100.

¹¹ Thuc. V. 67. 1; Xen. Hell. IV. 3. 4—6; 5. 11—12; V. 4. 52.

¹² Hdt. VIII. 124; Xen. Resp. Lac. IV. 2—5. Comp.: Plut. Lyc. 25.

¹³ Hdt. VIII. 124; Thuc. V. 72. 4; Dion. Hal. II. 13.

¹⁴ Hdt. VI. 58; Thuc. V. 72. 4; Xen. Hell. IV. 3. 6.

¹⁵ Xen. Hell. III. 3. 9; Resp. Lac. IV. 3.

¹⁶ Андреев Ю. В. Спартанские «всадники» // ВДИ. 1969. № 4. С. 24—36.

¹⁷ Там же. С. 35—36.

дним в этом вопросе к мнению Жанмера, видевшего в них реликтовую форму юношеского союза гомеровского периода¹⁸.

Однако этому противоречит отмеченный Геродотом факт ежегодного перехода старейших (*πρεσβυτάτοι*) из «всадников» в количестве пяти человек в состав *αυαφόρων*, выполнявших в течение года посольские функции, для которых юноши вряд ли были пригодны. Срок службы в отряде «всадников» нам неизвестен. Это заставляет с осторожностью относиться к гипотезе о «всадниках» как реликте эпохи военной демократии. Не менее вероятно, что спартацкие «всадники» классической эпохи представляли рудимент более позднего периода недолгого господства в Спарте аристократии. Может быть, это были потомки некогда знатных родов или семейств Спарты, происходивших от Гераклидов и слившихся с другими спартиатами в *οροιοι*.

Символична сама численность «всадников»: она указывает на трехчисленное деление, характерное для дорийцев. Может быть, до реформ Ликурга в Спарте существовал отряд настоящих всадников, составленный из представителей аристократических родов, по 100 от каждого племени? Нельзя исключить и сакрального значения цифры «300»: во время второй Мессенской войны Аристомен сформировал отборный отряд из трехсот человек (Paus. IV. 18. 1); Леонид, направляясь к Фермопилам, отобрал 300 спартиатов, имевших детей (Hdt. VII. 205); в битве при Платеях на призыв Павсания заменить мегарцев откликнулся афинский отряд в 300 отборных бойцов (Hdt. IX. 21); наконец, когда позднее Горгид организовал священный фиванский отряд, его численность также была установлена в 300 мужей (Plut. Pel. 18. 23).

Возвращаясь к архаике, следует согласиться с тем, что прогресс в экономической области (в частности, развитие металлургии и рост торговли) оказал глубокое воздействие и на военное дело: понижение стоимости вооружения и перманентная межполисная борьба способствовали развитию гоплитского строя¹⁹. Важно определить роль аристократии в этом процессе. Ч. Старр считает, что появление фаланги не является чисто аристократическим феноменом, поскольку новый

¹⁸ Там же. С. 31.

¹⁹ Littman R. J. The Greek experiment. Imperialism and social conflict 800—400 B. C. Honolulu, 1974. P. 114.

строй преимущественно комплектовался из свободных крестьян, и подчеркивает, что крупные и мелкие землевладельцы стояли вместе в рядах фаланги, как они стояли вместе против доминирования личного лидерства в политической сфере²⁰. По мнению В. Эренберга, хронологически эти изменения в военной, экономической и политической жизни, будучи соединенными друг с другом частями единого процесса, относятся ко 2-й половине VIII и к VII вв. до н. э., когда на место индивидуального боя пришла тактика тесной фаланги гоплитов, что стало возможно, только когда «рыцари» исчезли, и военный строй стал базироваться на равенстве, находящем свое дополнение в политическом строе как общине свободных людей²¹. Р. Литтман полагает, что фаланга, подрывавшая власть аристократии, была введена в Греции около 700 г. до н. э.²²; аристократы полностью потеряли контроль над военными силами государства, а их собственная военная роль упала до незначительности²³. В отличие от него, М. Финли считает, что преимущества гоплитской фаланги привели к ее доминированию в Греции лишь к концу VII века. Это вызвало глубокие социальные последствия, дав общинникам важную военную функцию, хотя не означало демократизацию армии, так как доспехи были достаточно дороги, и таковым процессом может считаться лишь использование бедняков на флоте, как в Афинах классической эпохи²⁴.

По проблеме хронологии следует отметить асинхронность сходных и тождественных процессов в отдельных районах Греции, а иногда их качественные и количественные различия. Так, можно полагать, что в Спарте гоплитский строй победил в 1-й половине VIII в. до н. э., до первой Мессенской войны, в других полисах — несколько позднее. Но роль, место и значение аристократии в магистральном развитии общества, в том числе и в военной области, на наш взгляд, в большинстве случаев оцениваются необъективно: не следует забывать, что появление гоплитского строя синхронно эпохе господства знати в Греции. Аристотель подчеркивал, что архаические виды государственного строя относятся к числу олигархических и монархических (Pol. IV. 10. 11. 1297b), поскольку гоплитская слу-

---

²⁰ Starr Ch. G. The origins of Greek civilisation 1100—650 B. C. N. Y., 1961. P. 334 f.

²¹ Ehrenberg V. The Greek State. 2 ed. L., 1969. P. 20.

²² Littman R. J. Op. cit. P. 115.

²³ Ibid. P. 104 f.

²⁴ Finley M. I. Op. cit. P. 101 f.

жба, как и кавалерийская, скорее соответствует возможностям состоятельных людей, чем немущих, и только легковоруженные и матросы соответствуют демократии (Pol. VI. 4. 3. 1321a); стратегию же он считал одной из важнейших функций царской власти (Pol. III. 9. 2—3. 1285a-b).

Античная традиция донесла до нас множество свидетельств о представителях древних царских родов, сохранивших царское достоинство или перешедших в разряд аристократии, но первейшей обязанностью которых оставалось руководство военными действиями. Так, в дорийских общинах правители эпохи архаики возводили свои родословные к Гераклу. В Спарте это были не только царские роды Агиадов и Эврипонтидов²⁵, но и представители других родов, явно потомки прежней аристократии (ср.: Plut. Lys. 24). К Гераклидам возводили свое происхождение царские династии Теменидов в Аргосе, к которым принадлежал знаменитый Фидон (Strab. VIII. 3. 33), в Сикионе (Paus. II. 6. 7) и даже в Македонии²⁶; Эпитидов в Мессени до спартанского завоевания (Paus. IV. 3. 3—8. 15.4); Бакхиадов в Коринфе (Paus. II. 4. 3—4) и в Верхней Македонии (Strab. VII. 7. 9). Родичами Гераклидов считались этолийские цари (Paus. V. 3. 7).

Царская власть сохранялась в Аркадии по крайней мере до 2-й Мессенской войны (Paus. VIII. 1. 4—5. 13), на Кипре, где было несколько мелких царств до греко-персидских войн (Hdt. V. 104—113), в Эпире, в конце концов объединенном царями молоссов, возводившими свой род к Зевсу через Зака, Ахилла и Неоптолема²⁷. В Фессалии эпохи греко-персидских войн гражданская и военная власть находилась в руках династов из знатнейших родов Алевадов, Скопадов и других²⁸, составлявших, по мнению Г. Шеманна, общефессалийское собрание, призывавшее воинов на службу²⁹. Царское происхождение имел род Пенфилидов на Лесбосе (Strab. XIII. 1. 3; Paus. II. 18.6). Знатнейшие роды Афин и ионийского двенадцатиградья (Медонтиды, Мелантиды, Басилиды, Неленды и др.) возводили свою родословную через афинского царя Код-

²⁵ Hdt. VII. 204; VIII. 131; Polyb. IV. 35. 10(13); Strab. VIII. 5.5; App. II. 8. 4; Paus. III. 1. 1—10. 6; Plut. Agis. 3; Lyc. 1.

²⁶ Hdt. VIII. 137—139; Thuc. II. 99. 2; Diod. Sic. XVII. 1; Arr. Anab. Alex. III. 3. 2; Plut. Alex. 2; App. B. c. II. 151.

²⁷ Strab. VII. 7. 5; XIII. 1. 27; Diod. Sic. XVII. 1; Paus. I. 9. 7—8. 11. 1—3. 13. 3. 9; 29. 4; Plut. Alex. 2; Pyrr. 1; App. B. c. II. 151.

²⁸ Hdt. V. 63; VII. 6. 130; IX. 58; Pind. Pyth. X. 5; Xen. Hell. VI. 1. 19; Theocr. Idyll. XVI. 34 fr.

²⁹ Schoemann G. F. Griechische Alterthümer. 4 Aufl. B., 1902. Bd. 2.

ра к сыну Нестора Нелею³⁰. Одним из знаменитейших афинских аристократических родов, давших славнейших мужей (Plut. De Herod. malign. 16. 27), в частности, таких известных магистратов, как Мегакл и Клизфен, был род Алкмеонидов, в традиции — также потомков пилосского царя Нестора (Paus. II. 18. 8—9). В эпоху Солона афинским главнокомандующим в войне дельфийской амфикистии с Киррой был явно представитель этого рода по имени Алкмеон (Plut. Sol. 9).

Характерным явлением архаики было возникновение старшей тирании, появившейся во всех наиболее развитых, в социально-экономическом отношении, полисах Греции, за исключением Халкиды на Эвбее, избежавшей ее, по мнению М. П. Нильссона, благодаря раннему расцвету и вовлечению в конце VIII в. до н. э. в длительную войну с Эретрией, и Эгины, отличавшейся большой дифференциацией населения, обычной для преимущественно коммерческого центра³¹. В определенной степени было бы правомерно рассмотреть военную политику раннегреческих тиранов, их роль в войнах и в организации военного дела, поскольку подавляющее большинство их вышло из аристократии³², и в своей политике выражало определенные тенденции эпохи. Еще Аристотель отмечал склонность тиранов вести войны с целью упрочения личной власти (Arist. Pol. V. 9. 5. 1313b). Помимо агрессивности, для тирана часто создавали отряды телохранителей из наемников (Arist. Pol. V. 9. 4. 1313b). Однако социальная политика тиранов, направленная отчасти в пользу демоса, и недостаток места препятствует включению этого вопроса в данную статью, хотя анализ и изучение общей тенденции внешней политики наиболее передовых полисов в эпоху старшей тирании представляют исключительный интерес. При этом еще раз подчеркиваем, что раннегреческие тираны принадлежали часто по происхождению и всегда по положению к верхушке знати. Ч. Старр правильно называет «высшие классы» Греции архаической эпохи наиболее могущественной и агрессивной частью греческого общества³³.

³⁰ Hdt. I. 147; IX. 97; Strab. VIII. 4. 1—7. 1; XIV. 1. 3—4; Paus. VII. 2. 1—3; IV. 5. 10; Ael. Var. hist. VIII. 5 etc.

³¹ Nilsson M. P. The age of the early Greek tyrants. Belfast, 1936. P. 9—11.

³² Соловьева С. С. Раннегреческая тирания (К проблеме возникновения государства в Греции). М., 1964. С. 35; Zörner G. Kypselos und Pheidon von Argos. Untersuchungen zur frühen griechischen Tyrannis. Marburg/Lann, 1971. S. 77—85, 211.

³³ Starr Ch. G. Op. cit. P. 302.

История греко-персидских войн особенно наглядно показывает командную роль аристократов в организации армии и флота, в выработке стратегии и тактики, в руководстве войсками на полях сражений, ибо это считалось не только правом, но и исключительной обязанностью аристократии. Так походом на Сарды руководили брат зачинщика ионийского восстания Аристагора Харопин и другой милетянин — Гермофант, судя по имени — также аристократ (Hdt. V. 99). Персы, наступившие на Сарды в Эфесе, убили среди многих знатных лиц, участвовавших в набеге, эритрийского военачальника Эвалкида, победителя в состязаниях, воспетого Симонидом Кеосским (Hdt. V. 102). Если же знатные люди изменяли общему делу и переходили на сторону врага, оно оказывалось проигранным. Так, двое знатных изменников сдали Эретрию персам на седьмой день осады (Hdt. V. 101; Paus. VII. 10). На сторону Ксеркса перешли фессалийские Алевады³⁴, безусловно сыграв значительную роль в измене других фессалийцев, поначалу выступивших вместе с эллинами (Hdt. VII. 172—174). Фиванские аристократы поставили Фивы и почти всю Беотию в ряды союзников персов (Hdt. IX. 86—88; Paus. IX. 6. 1—2).

При изучении генеалогии крупнейших афинских полководцев той эпохи бросается в глаза, что все они — цвет аристократии. Марафонский победитель Мильтиад, сын Кимона, внук Стесагора, и его сын Кимон, не менее прославленный полководец, принадлежали к древнему роду Филаидов, возводивших свое происхождение через Теламона и Эака к Зевсу³⁵. Другой знаменитый герой, командир афинских гоплитов при Платеях Аристид (Hdt. IX. 28), лидер аристократов происходил из семьи, вероятно, принадлежавшей к знатному элевсинскому роду Кериков (Plut. Arist. 2. 5. 25). Его политический противник, знаменитый Фемистокл (Hdt. VII. 143), командир афинских гоплитов в Фессалии (Hdt. VII. 173) и афинского флота в сражении при Артемисии (Hdt. VIII. 4—5) и при Саламине (Hdt. VIII. 57—110), также из знатного жреческого рода Ликомидов (Plut. Them. 1; Paus. I. 37. 1). Вероятно, афинский триерарх Ликомед, первым захвативший персидский корабль в Саламинской битве (Plut. Them. 15), был его родичем. И позднее, в середине V в. до н. э., победившая афинская демократия выдвигала на должность стратегов наиболее родовитых людей: Перикла, сына Ксантиппа

³⁴ Hdt. VII. 6. 130. 172; Paus. VII. 10. 2; IX. 6. 1—2.

³⁵ Hdt. VI. 103—104; Paus. II. 29. 2—4; Plut. Sol. 10; Cim. 4. То еffer I. Attische Genealogie. B., 1889. S. 320. Taf. 6.

(Plut. Per. 3. 16) из рода Бузигов³⁶, знатного богача Никия (Plut. Nic. 2), Алквиада, сына Клиния (Plut. Alc. 13—15) из рода Эвпатридов (Plut. Alc. 1)³⁷, и многих других. Избрание стратегом Клеона, с нескрывасмой иронией описанное Фукидидом (Thuc. IV. 27. 3—29. 1), являлось редким исключением из правил. Аналогичную картину мы наблюдаем и в демократических Фивах эпохи Пелопида и Эпаминонда, которые происходили из родов, знаменитых в городе (Plut. Pel. 3).

Обращаясь к вопросу о роли аристократии в развитии военного флота, организации морских походов и руководстве непосредственными действиями на море, следует обратить внимание на свидетельство Плутарха о «вечных мореплавателях»

(αειπλοῦται) — влиятельных людях в Милете после изгнания Фоанта и Дамасенора (Plut. Quaest. Graec. 32), то есть во 2-й половине VI в. до н. э. По Гесихию (Hesych. S. v.), это были милетские власти. Эти сообщения стали предметом специального анализа³⁸ и сопоставления с «вечными мореплавателями» из Эретрии с Эвбеи (древнейшая надпись, где они упоминаются, датируется V в. до н. э.)³⁹. Автор пришла к выводу, что «вечные мореходы» VI в. до н. э. были крупными земельными собственниками, аристократами, строившими и содержавшими корабли, предназначенные для военных действий, пиратства и торговли⁴⁰.

По преданию, сохраненному Фукидидом, коринфяне первыми в Элладе стали строить корабли способом, похожим на современный Фукидиду, создали первые триеры (Thuc. I. 13. 2). Помощь в строительстве четырех кораблей (вероятно, триер) на Самосе была также получена из Коринфа, по вычислениям Фукидида, примерно за 300 лет до окончания Пелопоннесской войны (Thuc. I. 13. 3), то есть около 700 г. до н. э., во время правления в Коринфе аристократического рода Бакхиадов, выступающих, таким образом, в качестве организаторов строительства нового типа боевых кораблей. В конце их правления, около 660 г. до н. э. (за 260 лет до окончания Пелопоннесской войны), произошла первая в Греции морская битва между коринфянами и керкирянами (Thuc. I. 13. 3), с исполь-

³⁶ Toeffler I. Attische Genealogie... S. 317. Taf. 1.

³⁷ Toeffler I. Op. cit. S. 317. Taf. 2.

³⁸ Vélissaropoulos J. Les Naucleres grecs. Recherches sur les institutions maritimes en Grece et dans l'Orient hellénisé. Geneve — Paris, 1980. P. 21 suiv.

³⁹ Ibid. P. 22—26.

⁴⁰ Ibid. P. 21—26, 336.

зованием триер, сыгравших столь большую роль для Эллады.

В дальнейшем важнейшей морской державой стал Самос: во 2-й половине VI в. до н. э., когда на острове установилась тирания Поликрата, самосский флот господствовал в Ионии (Hdt. III. 39; Thuc. I. 13. 6). Поликрат располагал флотом в 100 пентеконтер (Hdt. III. 39) и минимум 40 триер, на которых он отправил опасных для него сограждан в Египет на помощь Камбису (Hdt. III. 44). Вероятно, более низкими боевыми качествами оставшихся у Поликрата судов и объясняется его поражение в морской битве с возвратившимися изгнанниками. Вряд ли можно сомневаться в аристократическом происхождении Поликрата: помимо его имени, об этом косвенно свидетельствует любопытный эпизод, передаваемый Геродотом (III, 142—143), когда один из уважаемых (δόκιμος) граждан Самоса, Телесарх, заявил наместнику Поликрата, Меандрию, что тот не достоин властвовать, так как он подлого рода (γεῦρονος τε κακός...). Логично предположить, что ранее Поликрату подчинялись, поскольку он имел благородство. Весьма знатными людьми были и командиры кораблей ионийского флота на персидской службе: члены кипрского царского рода (Hdt. VII. 98; VIII. 11), многочисленные тираны (Hdt. IV. 97. 137—138; V. 11. 36—38) и аристократы (Hdt. V. 33; VI. 50; VII. 195; VIII. 82).

В Афинах флотоводцами также были виднейшие аристократы. Так, стратегом двадцати кораблей, направленных на помощь восставшей Ионии, афиняне назначили Меланфия, одного из самых уважаемых афинских граждан (Hdt. V. 97). В сражении при Артемисии отличился Клиний, сын Алкивиада (и отец Алкивиада) из рода Эвпатридов, участвовавший в войне на построенной за свой счет триере (Hdt. VIII. 17; Plut. Alc. 1). Известно, что в битве при Микале афинским флотом командовал Ксантипп, сын Арифрона и отец Перикла, из рода Бузигов (Paus. III. 7. 9). О происхождении Фемистокла достаточно сказано выше.

Примеры можно умножить, но и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод, что и после определенной демократизации военной машины греческие аристократы архаической и даже классической эпох сохранили (в том числе и во флоте) руководящее положение. Следует упомянуть еще одну вескую причину, способствовавшую сохранению позиций знатных военачальников: необходимость жертвоприношений перед сражением или походом богам и героям от лица всей общины⁴¹

⁴¹ Starr Ch. G. Op. cit. P. 333.

(раньше это было обязанностью басилеев). Для этой цели более всего подходили люди, происходившие от героев, а значит — и от богов; кроме того, практически каждый аристократический род имел свои культы, а аристократы исполняли жреческие обязанности. Например, в Афинах элевсинский культ осуществляли шесть знатных родов⁴²: Эвмолпиды, Керики, Филлиды, Крокониды, Койронида и Эвдаинемы. Представитель рода Ликомидов Фемистокл перед Саламинской битвой принес в жертву Дионису Оместу трех знатных юношей-персов (Plut. Them. 13). Многочисленность и общезвестность примеров этой важнейшей, по древним представлениям, функции военачальников очевидна и не нуждается в дальнейших доказательствах.

Подводя итоги, следует сказать, что греческая аристократия архаической эпохи играла в военной области руководящую роль, обусловленную целым рядом причин: ее социально-экономическим, политическим и религиозным лидерством, традициями и воспитанием. Военное дело было священным долгом всех граждан, но для аристократов оно являлось и основной профессией.

И. А. ЛИСОВОИ

Проблемы развития архаической Греции в историографии ЧСФР

Одним из всесторонне исследуемых вопросов в марксистской историографии античности является возникновение и развитие древнегреческого полиса¹. Заметно возрос к нему интерес в исторической науке стран социализма, в частности в ЧСФР. За последние сорок лет чехословацкие историки достигли определенных успехов в изучении архаической Греции. Однако их наблюдения специально не обобщались ни в чехословацкой², ни в советской историографии³. Этим объясняется выбор настоящей темы.

⁴² Töeffler I. Op. cit. S. 24—112.

¹ Ср.: Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1—2.

² Tricet Let výzkumu antiky v CSSR: 1945—1975. Praha, 1976. S. 31—53.

³ Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980. С. 381—383.